

ГЛАВА 1

Я пронеслась через просторную кухню приюта, шурша юбками.

— Где Синтия? Нам с ней нужно еще раз повторить стихотворение!

Седовласая миссис Фор повернулась ко мне, не переставая помешивать еду, бурлившую в кастрюле на кухонной плите. Острый запах лука и чеснока, смешавшийся с ароматом мяса, заставил меня остановиться. Я принюхалась.

— Рагу с мясом?

Где-то рядом прозвучал тихий смешок. Я обернулась и поймала восьмилетнюю Синтию.

— Попалась! Теперь будешь рассказывать мне стихи!

Малышка отчаянно мотала головой, но глаза ее смеялись. Я чмокнула ее в сладкую щечку, поставила на пол и легонько щелкнула по носику, усыпанному веснушками.

— После ужина. И никаких «но»!

Синтия повернулась, чтобы помочь другим девочкам собрать жестяные тарелки, чашки и столовые приборы для сервировки. Сверху доносился топот. Во всех уголках большого дома звучали детские голоса.

По кухне распространялся аромат свежей выпечки от двух только-только испеченных буханок хлеба, которые лежали на столе, и в животе у меня заурчало так громко, что я невольно приложила к нему руку. Муки голода все еще вызывали у меня жуткие воспоминания. Желая отвлечься, я выглянула в окно, на котором стоял горшок с поникшими нарциссами. Задний двор был укрыт потемневшей травой, серые тучи плавно скользили по послеполуденному небу, не пропуская солнечных лучей. Я съежилась и потеряла руки, чтобы согреться.

Краем глаза я заметила коня, гарцующего на углу дома. Мое сердце на миг замерло, я поправила юбку и облизнула губы.

Украдкой бросив взгляд на миссис Фор, я увидела, как на ее губах, в уголках которых залегли морщинки, появилась улыбка.

Я распахнула двери. От ледяного воздуха девочки взвизгнули и прижались друг к другу. На пороге показался Блэйн Уэллсмит. Красный вязаный шарф наполовину скрывал его лицо. В руках Блэйн держал большой деревянный ящик. Шагнув внутрь, он закрыл двери ногой, обутой в сапог.

Блэйн поставил ящик на кухонный стол и ослабил тугой узел шарфа. Легкая улыбка, адресованная мне, промелькнула на его устах и согрела меня, несмотря на стужу, ворвавшуюся в дом вместе с ним. С его перчаток на пол, заботливо выметенный миссис Фор, посыпалась грязь.

— А там холодно, — сказал Блэйн, снимая пальто и вешая его на спинку кресла. Затем удобно устроился в нем и продолжил: — Я готов к весне, но, похоже, утром выпадет много-много снега.

Миссис Фор поставила на стол горячий кофе. Блэйн не преминул согреть руки о чашку с ароматным напитком.

— Дети будут в восторге, — сказала я, составив ему компанию за столом и лаская взглядом его выразительное лицо.

Его темные волосы, зачесанные назад, открывали высокий лоб. Брови цвета воронова крыла нависли над глазами, темными как ночь. Лицо Блэйна не было ни худым, ни полным. И, хотя его нельзя было счесть привлекательным в общепринятом смысле этого слова, я разглядела его внутреннюю красоту еще тогда, когда мы были детьми.

— Малыши еще не поломали сани, которые я сделал для них? — спросил Блэйн, отхлебывая дымящийся кофе.

Я покачала головой, про себя отметив, что нужно не забыть заставить мальчиков найти сани.

Миссис Фор выгнала хихикающих девчонок в столовую и вытерла руки о передник. Затем она подвинула ящик поближе к себе и принялась сортировать продукты — овощи и фрукты, которые Блэйн щедро пожертвовал из своего погреба Рэйстонскому дому для сирот и обездоленных детей, несмотря на то, что ему нужно было продавать излишки, чтобы скопить немного денег и приобрести землю для собственной фермы.

Для нашей фермы.

— Сэди плохо ухаживает за цветами, Блэйн. — Миссис Фор поставила у задней двери пустой ящик. — Тебе следует заняться ими самому, если этим летом ты хочешь пересадить их в грунт.

Блэйн вздернул бровь, поглядев в мою сторону:

— Ты не заботилась о цветах?

Я вздрогнула. Блэйн подарил им жизнь в середине холодной зимы. Мне вспомнился рождественский вечер, когда он стоял передо мной в своем жестком, неудобном единственном костюме, держа продолговатый глиняный горшок так осторожно, как будто тот был сделан из хрусталя. «Немного красок, — сказал Блэйн, — чтобы поднять тебе настроение до весны». Я поблагодарила его за этот подарок, коснувшись губами обветренной щеки — и красного вязаного шарфа. В этот волнующий миг глаза Блэйна лучились любовью и я поняла, что эти цветы мне дороже, чем те, которые сделаны из чистого золота.

Но в самом начале марта 1910 года маслянисто-желтые нарциссы поблекли и стали напоминать цветом куриный бульон. Листья свернулись. Лепестки беспомощно повисли. Нарциссы упрямо не хотели цвести у меня так, как у Блэйна.

Я устала сидеть за столом. Мои пальцы скользили по гладкой деревянной поверхности. Я прикусила губу. Это были всего лишь цветы, и в то же время не просто цветы — это был подарок Блэйна. Я должна была ухаживать за ними.

Блэйн пересек комнату и снял горшок с подоконника.

— Я могу забрать их домой и...

— Нет, я буду заботиться о них! — воскликнула я, вскочив с места так поспешно, будто села на кнопку.

Я отобрала у него ящик и попробовала пальцем почву. Она казалась достаточно мягкой. Цветам просто не хватало солнца.

Торопясь в гостиную, я напрягала слух в надежде услышать в маленькой прихожей тяжелые шаги Блэйна. Он шел по коридору, тихо смеясь. Мои губы сжались в тонкую линию. Я обязательно придумаю, как оживить наши цветы. Они будут расти.

Я поставила горшок с растениями на боковое окно, моля Бога о том, чтобы тучи хоть ненадолго рассеялись. Любой, даже самый тонкий солнечный лучик был бы спасением для нарциссов. Я тщетно пыталась выпрямить поникшие листья.

— Оставь их в покое, Сэди, — услышался голос Блэйна, незаметно подошедшего ко мне сзади. — Свет и вода — вот все, что им нужно. Это так просто.

Мои ноги подкосились, но я повернулась к нему с искренней улыбкой на лице.

— Они словно дети, которым нужно немного любви и чуть-чуть дисциплины. Это так просто.

— И не забывай о еде, которой следует наполнять их животики.

— Спасибо тебе. — Я позволила себе легонько коснуться его пальцев.

— Я принес бы еще, если б мог. Когда я стану владельцем собственной фермы, а не буду работать на чужой земле, я смогу помогать больше, — подмигнул он мне.

Мои щеки вспыхнули. Может быть, мои нарциссы примут этот румянец за солнце? Я склонила голову, ища менее интимную тему.

— Как там Картер? Ты получил от него известие?

Широкая грудь Блэйна опустилась — он тяжело вздохнул.

— Нет. Как бы я хотел, чтобы «так просто» было и с моим младшим братом.

От моего смущения не осталось и следа, когда я накрыла его руку ладонью и взглянула ему в глаза, в которых появилась тревога.

— Я бы на твоём месте не стала так беспокоиться. Картер ведь еще мальчик.

Блэйн покачал головой.

— Ему шестнадцать лет, он почти мужчина, а вовсе не малыш. Как бы я хотел знать, что за мысли у него в голове!

— Помни, что ты провел с матерью гораздо больше времени, чем он.

— Знаю. Но когда я думаю о том человеке... — Пальцы Блэйна сжались в кулак.

Много лет назад Блэйн забрал брата и сбежал от отчима, который приходился Картеру отцом. Побродяжничав, братья очутились на пороге Рэйстоунского дома, озябшие и голодные: Картер — трехлетний маленький озорник, и Блэйн — нескладный, долговязый мальчуган одиннадцати лет. И оба похитили мое сердце — сердце десятилетней девчушки.

Я снова нежно погладила Блэйна по руке.

— Давай сейчас не будем думать об этом человеке.

Напряженность, сковывавшая Блэйна, стала ослабевать. Его пальцы переплелись с моими.

— Хорошо. Я хочу думать только о нас с тобой.

Мое лицо снова вспыхнуло, и словно чья-то рука сомкнулась вокруг моего сердца, сжав его и вытеснив из груди воздух. Я не помнила, когда именно наша с Блэйном дружба превратилась в любовь, но это произошло. Никто не был настолько близок моему сердцу, никто не знал меня так хорошо, как он.

Блэйн поднес мою ладонь к своим губам.

— Прогуляешься со мной?

Я снова вздохнула свободно.

— Конечно, Блэйн.

Не разнимая рук, мы вернулись в кухню. Собираясь встретиться с пенсильванской зимой, мы оделись потеплее.

Снаружи мороз тотчас же похитил наши голоса еще до того, как мы завернули за угол дома, чтобы спрятаться от пронизывающего, свирепого ветра.

Блэйн привлек меня к себе. Я уткнулась носом в его шерстяное пальто, вдыхая аромат древесного дыма и сосны. Пальцем, затянутым в перчатку, он приподнял мой подбородок:

— Тебе лучше вернуться в дом, пока ты окончательно не замерзла.

Я кивнула, стиснув зубы, чтобы они не застучали. Меня окружало тепло Блэйна. Я не могла заставить себя отстраниться.

— Не беспокойся о нарциссах. Я посажу для тебя несметное количество цветов, когда у нас будет собственный...

Его взгляд скользнул по моим губам. Я с трудом сглотнула, обвивая его шею руками. Блэйн склонился ко мне. Едва мне удалось уловить сладкий аромат его дыхания, как скрип задней двери на миг заглушил завывания студеной зимы.

— Сэди, к тебе пришли, — послышался голос миссис Фор, а затем дверь громко хлопнула.

Я приникла лбом к груди Блэйна и застонала. Наступит ли наконец день, когда никто не сможет помешать нам наслаждаться поцелуями?